

Чжун Цзянли поднялся с места и направился в палаку военных лекарей. Стоял жуткий, не поддающийся описанию зимний мороз; Чжун Цзянли шел и выдыхал клубы белого пара, а Му Юньцин шла рядом, молча поглядывая на него. В этот момент Чжун Цзянли, обычно столь расчетливый и хладнокровный перед лицом войны, снова превратился в беззаботного юношу, причем довольно наивного.

— Ты вот так просто спровадил князя Ле-вана, — тихонько проговорила Му Юньцин. — Если старый генерал узнает, боюсь, тебя наградят палочными ударами.

Чжун Цзянли снова выдохнул облачко пара.

— Отец знает мой нрав: я с детства рос среди солдат и на дух не переношу все эти церемонии. Чувствую себя так, будто на меня надели уздечку. Военному человеку подобает говорить языком боевых заслуг, а все остальное — пустая суета. Пойдем, проверим раненых, а потом пройдемся с дозором по городской стене.

В палатке военных лекарей со всех сторон доносились мучительные стоны. Едва Чжун Цзянли приподнял полог и вошел внутрь, солдаты тут же заметили его.

— Младший генерал! Младший генерал!

Чжун Цзянли взмахом руки показал, что церемонии ни к чему. Му Юньцин осталась стоять снаружи и не стала заходить вслед за ним. Внутри находились раненые, многие из них были частично обнажены, и девушке было бы неловко на это смотреть, поэтому Чжун Цзянли велел ей подождать снаружи.

Из соседней палатки лекарей вышел старик с чашей целебной мази в руках и направился в эту сторону. Он был не в форменной одежде военного лекаря, и Му Юньцин сразу обратила на него внимание.

— Вы... Лекарь Сунь из города Лабу? — Му Юньцин слегка удивилась.

Старик тоже замер, а затем при свете жаровни внимательно оглядел Му Юньцин.

— Это же я, старейшина! Тот самый, которого вы спасли в городе Лабу: мне прострелили плечо, и я лежал у вас во дворе, — Му Юньцин показала жестами.

Старик вдруг всплеснул руками, словно озаренный догадкой:

— А я-то думаю, почему ты мне показалась такой знакомой! Оказывается, это ты.

— Лекарь Сунь, разве вы не в городе Лабу? Как вы оказались здесь, в военном лагере?

Старик тяжело вздохнул:

— Дома больше нет. У меня есть ученик, он служит военным лекарем в Армии Динбэй; так вышло, что я как раз находился в Суму, и он позвал меня на помощь. Раненых нынче много, хоть у большинства повреждения не смертельные, но возни с ними немало. Армия Динбэй объявила о наборе лекарей среди горожан, вот я и пришел.

— Лекарь Сунь, вы поистине обладаете благородным сердцем и то и дело протягиваете руку помощи. Юньцин от лица всех воинов Армии Динбэй благодарит вас.

— Полно вам, барышня, если бы не вы все, мои старые кости уже давно бы сгнили в земле. Что посеешь, то и пожнешь.

С этими словами старик вошел в палатку, а Му Юньцин торопливо помогла ему приподнять тяжелый полог.

После того недавнего сражения воины Дунху словно растворились в воздухе — вдоль всей линии Северных Земель ни один город больше не подвергался нападениям.

Армия Динбэй неоднократно созывала совещания, вырабатывая планы борьбы с Дунху, и даже пыталась отыскать их главный лагерь, но глубокий зимний снег скрыл все следы. К тому же в такую ледяную стужу разведывательные отряды не могли подолгу находиться в дозоре. Раз активное наступление не удавалось, оставалось лишь держать глухую оборону, не давая противнику ни единого шанса.

Новые ворота города Суму уже установили, а улицы вычистили так тщательно, что на них не осталось и следа от недавней бойни. В этот момент Чжун Цзянли вел Му Юньцин по снежным склонам гор Куду, любуясь зимними пейзажами, вот только на Северных Землях можно было лишь топтать снег, но никак не отыскивать цветущую сливную ветвь.

Горные цепи Куду и Динкэнь смыкались друг с другом, образуя естественную преграду, защищавшую Северные Земли от вражеской конницы. В небольшом горном проходе на стыке этих двух хребтов располагалась застава Гаобэй. В прежние годы все силы Армии Динбэй стояли гарнизоном прямо в ее стенах, и лишь позже, когда они отбросили далеко на север разбитые войска Дунху и тюркютов, армия окрепла и возвела к северу от заставы новый крупный лагерь, распределив силы по всем приграничным городкам.

Му Юньцин и Чжун Цзянли стояли на полусклоне гор Куду. Отсюда прекрасно просматривался лежащий внизу город Суму, чуть левее и вдали виднелся городок поменьше — Лабу, а если посмотреть на восток, то далеко-далеко чернела крошечная точка — это был Северный военный лагерь Дин.

Чжун Цзянли что-то оживленно жестикулировал и всю размахивал руками.

— Смотри туда: примерно в двадцати ли кпереди от Лабу пролегает рубеж владений нашего Дашэна, а за ним уже земли Дунху и тюркютов. Тюркюты кочуют больше к западу, они редко суются в здешние селения безобразничать. А вон та полоса — присмотрись хорошенько, там в снегу виднеются сухие деревья — это большая река. Вода в ней глубокая и ледяная даже посреди лета. В детстве, всякий раз отправляясь в глубь степей с набегом, нам приходилось ломать голову над тем, как ее переправляться.

Му Юньцин слушала его со всеми вниманием.

Слукавив, Чжун Цзянли с плутовской улыбкой толкнул Му Юньцин в сугроб с глубоким снегом. Та с уморительным видом выбралась из снежного заноса, накатала снежков и принялась швырять их в обидчика.

— С такой меткостью тебе лучше бы передохнуть, ха-ха-ха! — издевательски рассмеялся Чжун Цзянли.

Выбравшись из сугроба, Му Юньцин только собралась отплатить ему тем же, как вдруг заметила, что лицо Чжун Цзянли мгновенно посерьезнело. Он приложил указательный палец к губам, призывая ее соблюдать тишину. Му Юньцин с опаской обернулась и увидела, что на крутом снежном пике прямо у них за спиной замерла одинокая олениха. Чжун Цзянли повернулся, схватил лук, натянул тетиву и прицелился. Олениха издала жалобный стон, сделала пару неуверенных шагов и кубарем полетела вниз с вершины.

Падая, она увлекла за собой колоссальную массу слежавшегося снега, которая лавиной, подобно горной реке, помчалась напрямик к подножию горы. Чжун Цзянли и Му Юньцин стояли в стороне, онемев от изуродования, наблюдая за грохочущим снежным потоком. Когда лавина наконец затихла, они оседлали коней и поехали осмотреть место происшествия, но от оленихи не осталось и следа.

— Это был крошечный сход лавины. Окажись ты сейчас под ней, смог бы выбраться живым? — спросил Чжун Цзянли, задрал голову и глядя на снежную макушку горы.

— Уж я-то точно не убежал бы.

Чжун Цзянли как-то неестественно повернул голову к Му Юньцин и, заметив в ее глазах вопрос, решил не уронить достоинство:

— Я бы тоже не смог.

Му Юньцин с легкой усмешкой наблюдала за глуповатым выражением его лица.

— Поехали скорее, а то еще зароят заживо!

Зима незаметно миновала. Яркое солнце щедро дарило тепло, остатки зимних снегов начали таять — наступила весна, и тренировки в Армии Динбэй стали еще более суровыми и упорными. За ту прошлую битву все воины гарнизона Суму получили награды, и теперь Му Юньцин носила звание младшего дувзя Сюаньцзе, став офицером восьмого ранга.

С наступлением весны воины Дунху зачастили с набегами на границы, и император отдал строгий приказ: старому генералу Чжуну и Армии Динбэй надлежало во что бы то ни стало обеспечить безопасность Северных Земель.

Старый генерал Чжун разослал десять отрядов разведчиков на поиски главного лагеря Дунху, однако прошел уже больше месяца, а вестей все не было. На Западных Пределах война утихла, и князь Ле-ван сразу после праздников во главе пятитысячной конницы Цзинъюнь вновь помчался на Северные Земли. Вместе с ним прибыла и принцесса Цзинъюнь.

Старший принц Сяо Хунъюань, наследный принц Сяо Хунчэн и принцесса Цзинъюнь — в миру Сяо Юньгу — были рождены императрицей. Старший принц с малых лет выказывал талант к военному делу, и сам император пожаловал ему титул князя Ле-вана, поставив во главе конницы Цзинъюнь.

Принцесса Цзинъюнь была любимой дочерью нынешнего Сына Неба. С детства она всюду следовала за старшим братом и постоянно крутилась в военных лагерях, постепенно привязавшись к доспехам куда больше, чем к женским нарядам. Император, балуя дочь, не только не препятствовал ее причудам, но даже приставил к ней именитого полководца обучать боевым искусствам. Окружив ее невероятной заботой, он позволил ей, едва повзрослев, отправиться в военный поход вместе со старшим братом.

Двенадцатый принц, то есть нынешний наследный принц, напротив, совсем не походил на своих брата и сестру. Он не жаловал лук и коня, зато отличался незаурядным умом и с юных лет обладал собственным, оригинальным взглядом на государственные дела и политику. Он умел находить нестандартные решения в любых ситуациях, за что император души в нем не чаял и с малых лет держал при себе, постоянно наставляя.

Теперь, когда на Западных Пределах воцарился мир, старший принц с конницей Цзинъюнь собирался на некоторое время расквартироваться на Севере. В эти дни в Северном военном лагере кипела работа по расширению территории, чтобы разместить приближающуюся конницу.

Тем временем в городе Суму Чжун Цзянли отбирал бойцов. Стояла весна, и хотя Дунху то и дело тревожили восточный рубеж Северных Земель, в районе Суму царило необычное затишье. Прежде старый генерал Чжун не разрешал Чжун Цзянли участвовать в поисках вражеского лагеря, и за эти два месяца парня едва не разорвало от скуки. Наконец, воспользовавшись активизацией Дунху на востоке, старый генерал отдал приказ гарнизонам Суму и Вуюаня отправить конные отряды вглубь степей. Зачем именно нужно было углубляться в степь, старый генерал не уточнил, но военачальники в обоих городах приходились ему сыновьями, а сыновья прекрасно понимали намерения отца без лишних слов.

Снабжение Армии Динбэй шло из императорской казны, однако на Севере им противостояли Дунху и тюркюты — народы, выросшие в седле, — поэтому доля кавалерии в Армии Динбэй в разы превосходила любые другие рода войск. Можно сказать, что бóльшую часть армии составляла конница. При столь колоссальной потребности в боевых конях часть животных выделяла казна, а остальное, само собой, приходилось добывать на месте. В мирные годы казенных лошадей с лихвой хватало на замену, и нужды изощряться не было, но стоило разгореться войне да еще прибавить набор новобранцев, как коней тотчас начинало не хватать. К тому же Армия Динбэй каждый год использовала подобные вылазки, чтобы попутно разведать обстановку в различных степных племенах.

Стоило Чжун Цзянли уйти, как его не было больше месяца. Му Юньцин не знала, чем заняться, и целыми днями тренировалась вместе с солдатами. Хотя в качестве дувэя она уже была освобождена от обязательных ежедневных занятий, чтобы заглушить скуку, Му Юньцин демонстрировала завидное усердие.

В отсутствие Чжун Цзянли некому было прикрыть девушку, и цяньвэй Лю с цяньвэй Вем, давно затаившие на нее зуб, улучили момент, чтобы вызвать Му Юньцин на поединок под благовидным предлогом проучить этого жеманного малого.

У Му Юньцин как раз выдалась свободная минута. Над плацем разносились зычные окрики, и множество солдат сбежалось поглазеть на схватку, подбадривая бойцов криками. Му Юньцин сражалась с обоими цяньвэями без особого напряжения — в конце концов, боевые искусства, перенятые ею у Ван Шаня, были высочайшего уровня. Рассчитав силы, она билась на равных, а в самом конце искусно изобразила поражение. Положение Му Юньцин сильно отличалось от положения цяньвэя Лю и цяньвэя Вей: она была одиночкой без роду и племени, тогда как те двое командовали бесчисленными отрядами. Если бы они потеряли лицо перед таким количеством подчиненных, вряд ли дело ограничилось бы простым недовольством.

— Благодарю вас за то, что пощадили, господи! — Му Юньцин, держа клинок обратным хватом, сложила руки в приветствии.

Цяньвэй Лю махнул рукой:

— Истинно говорят: волны на Янцзы набегают одна на другую! Достойная смена растет!

Он явно оценил благородство Му Юньцин, чего нельзя было сказать о цяньвэе Вее. Тот стоял с мрачным лицом и лишь спустя долгое время процедил:

— Проиграл так проиграл. Мое мастерство хуже — старый Вэй умеет признавать поражения.

— Господин Вэй, это же просто товарищеский поединок, не стоит принимать его близко к сердцу. Разве могу я сравниться с вами в искусстве полевого боя? — Му Юньцин, напротив, прониклась к цяньвэю Вей искренней симпатией, сочтя его человеком прямым и открытым.

В этот момент на плац вихрем влетел рядовой солдат.

— Младший генерал вернулся! Младший генерал и его люди вернулись!

Толпы солдат и оба цяньвэя бросились к крепостной стене. Вдалеке к городу Суму неслась огромная масса коней, а позади табуна двигались те самые несколько сотен всадников, что уходили с Чжун Цзянли — они образовали полукруг и гнали животных перед собой. Из городских ворот вымчал кавалерийский отряд, направившись к временной конюшне неподалеку. Распахнув настежь ворота загона, всадники отступили в сторону.

Отсутствие Чжун Цзянли затянулось больше чем на месяц. Сейчас он придержал коня под городской стеной, задрал голову и всматриваясь в множество лиц наверху, словно кого-то выискивая. Му Юньцин помахала ему сверху рукой; заметив ее, Чжун Цзянли озарил лицо на редкость лучезарной улыбкой и вихрем въехал в город.

В главной палатке Чжун Цзянли извлек из-за пазухи изящный кинжал.

— Держи, подарок. Отобрал у вождя одного племени.

Му Юньцин приняла кинжал. Ножны были выполнены из белого серебра, рукоять — из кости. При извлечении клинок блеснул ровной сталью с двусторонней заточкой, напоминая уменьшенную копию боевого меча. По лезвию змеились затейливые узоры, а от острия исходило холодной синевой свечение — даже на вид клинок казался невероятно острым.

Чжун Цзянли следил за выражением лица Му Юньцин и по ее восхищенному взгляду сразу понял: подарок пришелся по душе.

— Этот кинжал не похож на те, что делают кочевники, но он ужасно острый — режет железо, как глину. Я случайно наткнулся на него и отобрал специально для тебя, думал преподнести по возвращении.

Му Юньцин была в полном восторге от оружия и хлопнула Чжун Цзянли по плечу.

— Ты просто отличный парень! Обожаю этот кинжал.

Чжун Цзянли скривил мину и проворчал:

— Какой я тебе парень? Мой отец точно не мог произвести на свет такого жеманника.

Му Юньцин была целиком поглощена разглядыванием кинжала и не удостоила Чжун Цзянли ни единым ответом.

<http://bllate.org/book/19603/1923285>